

ПРЕЗУМПЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ СЕМАНТИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ*

Аннотация. Статья посвящена проблеме методологии и методики изучения произведений русской словесности. Выявляются устойчивые черты в художественном методе христианского реализма. На примере анализа стихотворений М. Волошина рассматриваются искажения смысловых глубин и правила следования творческим путем автора – создателя текста. Аргументируется принцип презумпции православной семантики в истолковании идей произведений русской классики. Выделяются критерии, по которым то или иное произведение может быть отнесено к христианскому реализму.

Ключевые слова: православная семантика, христианский реализм, литургия, презумпция, архетип, культурный код

A. Seropyan

Shuya State Pedagogical University

ORTHODOX SEMANTICS PRESUMPTION
IN INTERPRETATION OF CLASSIC RUSSIAN
LITERATURE

Abstract. The article focuses on the methodology and methods of studying Russian literary texts. The researcher determines the stable features of the artistic method of the Orthodox realism. M. Voloshin's poetry is the example under study both the rules of following the author's creative thinking and misrepresentation of the semantic depth are analyzed. The researcher gives arguments for the principle of presumption of Orthodox semantics in interpretation (on ideas) of classic Russian literature. He marks out the criteria which help to consider this or that work to belong to Christian realism.

Key words: Orthodox semantics, Christian realism, liturgy, presumption, archetype, cultural code.

Понимание является наиболее важным моментом функционирования языка куль-

* © Серопян А.С.

Статья выполнена в рамках госконтракта П662 по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы.

туры. При любой коммуникации неизбежно присутствуют определенная неадекватность понимания, момент интерпретации, искажающий исходный смысл. В литературоведении давно упрочились такие понятия, характеризующие методологию и методику изучения произведений, как научное описание, анализ, интерпретация, внутритекстовое (имманентное) и контекстуальное рассмотрение [16, с. 285]. «При этом, – отмечает В.Е. Хализев, – состав произведения сам в себе носит нормы его истолкования», имманентное изучение же «сопровождается и подкрепляется контекстуальным рассмотрением произведения», необходимо включающего в свою орбиту культурную традицию, которой автор причастен [16, с. 288].

И.А. Есаулов, выделив лет семнадцать назад как особый предмет изучения православный подтекст русской литературы, справедливо считает, что этот подтекст существует не в «малом времени», уводящем к миру вообще, а в некоем третьем измерении, требующем для себя и особого научного инструментария [6, с. 379]. Как применяется этот инструментарий, да и определен ли? Ведь извлечение смысла из текста требует ответственного и строгого мышления.

Сила письменности — в летописном сохранении, душа ее поэтична и называется словесностью. Она вся духовна. Ни один экзамен не определит степень духовности выпускников школ, и без возрождения понятия «словесность» мы будем просвещать детей в «великолепном мраке чужого сада»:

*В начале жизни школу помню я,
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.
Смирная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.
Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.
Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.*

*Но я вникал в ее беседы мало.
 Меня смущала строгая краса
 Ее чела, спокойных уст и взоров,
 И полные святыни словеса.
 Дичась ее советов и укоров,
 Я про себя превратно толковал.
 Понятный смысл правдивых разговоров,
 И часто я украдкой убегал
 В великолепный мрак чужого сада,
 Под свод искусственный порфирных скал
 [13, с. 583-584].*

Для нас очевидно, что настало время проанализировать устойчивые черты в художественном методе христианского реализма, которые проявляются в текстах очень разных литераторов и при различных обстоятельствах.

Дело в отношении к тому, что христианский реализм выводит на сцену сверхъестественные силы. Христианин считает реально существующим все то, о чем говорится в Священном Писании, символе веры, на чем настаивает догматика. Православный видит истину и в Священном Предании восточного христианства. Вот, например, наличие Бога и мятежного Денницы. Для христианина это бесспорная реальность, это не фантастично ни в малой мере. Для человека неверующего, привыкшего к «физико-математической реальности», это небывальщина, причем не из области научной фантастики. Для иноверца это нечто конкурирующее по отношению к его собственному пониманию истины. И вот вывод: христианин не должен выделять любое проявление сверхъестественных сил, соответствующее его вероисповеданию, из привычной реальности лесов, домов, дождей, канализационных труб и ржаного хлеба. Как в жизни, так и в литературе. И если автор вводит в текст появление святых на грешной земле, Божье вмешательство в дела людей, проделки бесов или сошествие ангелов, то ни он сам, ни его читатель (если читает его другой христианин) не должны сомневаться: все это – реалистическое письмо, христианский реализм.

Если же читатель не входит во всемирную христианскую общину, он будет воспринимать подобную художественную практику как сакральную (мистическую) фантастику христиан.

Таким образом, оценка «христианского реализма» – принятие его или неприятие – зависит от оценивающего субъекта.

Христианский реализм далеко не столь всеобъемлющ, как это могло показаться. Это не вся художественная литература, объятая

духом христианства. Существует, например, христианский символизм – когда богословская конструкция, облекаясь в художественную форму, выражена в ней аллегориями, символами, иносказаниями. Так пишут Ирина Лангуева-Репьева, Илья Бражников, Мария Кондратова. Но следует отличать христианский реализм от христианского символизма. Думается, это два разных художественных метода.

К христианской литературе составители хрестоматии «Современная русская проза – XXI век» относят Людмилу Улицкую. Они должны были скорее отнести Улицкую к метапрозе. Но метапроза ими определяется «как продолжение традиции *exegi monumentum*, это интеллектуальная литература, рассчитанная на высокообразованного элитарного читателя» [15, с. 4]. Помещенные произведения метапрозы характеризуются медиативным разглядыванием объекта, его экзистенциальным переживанием.

В более узком смысле слова к металитературе относятся только те произведения, где не просто рассказывается о жизни писателя (неважно – вымышленного, жившего реально или являющегося «*alter ego*» автора-повествователя), но содержится попытка изобразить собственно творческий процесс, представив либо в виде фрагментов, либо полностью – в формате «текст в тексте», итоги этого самого творческого процесса. Выразительным примером метапрозы может послужить роман Дорис Лессинг «Золотая записная книжка», который рассказывает о романистке, пишущей роман о романистке. Или «Даниэль Штайн, переводчик» – тексты в тексте.

И. Кукулин считает опознавательным приемом метареализма «составление различных мифологий в целостные и одновременно неустойчивые, текучие образы» [12], а А. Бартов указывает, что «метареализм – искусство метафизических прозрений, устремленное к реальностям высшего порядка, которые требуют духовного восхождения и мистической интуиции художника. Для метареалистов, идущих от символистов и еще далее от романтиков, нет необходимости отчаянно нажимать на значения неких избранных слов и возводить их в нездешние символы: сложность сегодняшнего времени и соответственно наличного словаря художника таковы, что позволяют отсылать к другим мирам, не отстраняя этот, не прореживая его, но сгущая в цветах и созвучиях» [1]. Заметим, что оба исследователя – ученики Константина Кед-

рова, уверенно сгущающего краски масонства в картине мира Максимилиана Волошина: «В 1993 году на Волошинских чтениях в Коктебеле я точно узнал, что Макс Волошин был масоном 17-го градуса. Этот таинственный 17-й градус, видимо, предназначен поэтам, художникам, композиторам. Масонами 17-го градуса были Пушкин, Моцарт, Блок» [10]. В предисловии к книге Кедрова Г. Сапгир пишет: «Стихи Константина Кедрова — звёздная стихия, которая породила и самого поэта. Для меня Константин Кедров — поэт, который привнёс в поэзию целый ряд новых идей. Одним словом, одной метаметафорой, стихи его настоящая литургия» [9, с. 8].

Очевидно, что Кедров под литургией подразумевает не богослужение по канонам религии, а традицию максимально полного — всеми возможными средствами — воздействия на читателя, как Олег Кулик — на зрителя: «инсталляция» и «литургия» рассматриваются как синонимы [8].

Понимание Литургии Волошиным было православным — тому свидетельства обнаруживает имманентное изучение его текстов. Сам поэт, определяя духовную Родину как Слaviю, пишет: «Она для нас остается ценностью духовной, какой в сущности была и раньше» [4, с. 202]. В волошинском эстетическом искуплении Таврического мифа (традиционная Таврида оборачивается «музеем дурного вкуса, претендующим на соперничество с международными европейскими вертепами» [3, с. 217]) Киммерийским мы находим христианские мотивы в отличие от составителя сборника стихотворений Максимилиана Волошина Р.П. Хрулевой, полагающей, что стихотворение «В эту ночь я буду лампадой» посвящено Рудольфу Штайнеру [5, с. 202] — очевидно, исходя из того, что накануне первой мировой войны поэт принимал участие в строительстве теософского храма Гетенаума. Для художественного текста характерен конфликт между открытым текстом и внутренним смыслом, поскольку за внешними событиями, обозначенными в тексте, часто скрывается внутренний смысл, создаваемый не столько самими событиями, фактами, сколько теми мотивами, которые побудили автора обратиться к этим событиям. Внетекстовой факт участия Волошина в строительстве Гетенаума, безусловно, интересен, но первичная интуиция поэта выпукло проявляется в посвященном М.П. Кювилье стихотворении «Любовь твоя жаждет так много»: «храни его знак суеверно, не бойся

врага в иноверце... Люби его метко и верно — люби его в самое сердце!» [5, с. 94].

Мрак в упомянутом стихотворении («неси меня осторожней сквозь *мрак* твоего дворца» [5, с. 92]) соотносится с темнотой в предшествующем по времени написания («вынос Святых Даров совершается в темном храме» [5, с. 93]), а «я буду пылать иконней — не ты ли меня зажег» [5, с. 92] и вовсе не оставляет места Штайнеру: иконичность произведения обусловлена осознанием себя как образа Христа, ведь только в Его воспоминании выносятся Святые Дары.

«Был литургийно строен и прекрасен средневековый мир» [5, с. 162], — пишет Волошин в цикле «Путиами Каина». Боль от утраты этой стройности звучит во многих стихотворениях о Родине, предстающей в образе невесты-красы, для которой Плотник-Царь построил дом «окнами на пять земных морей», которая могла бы стать Царевой женой и которая была самой «желанной» для иностранных женихов, «для заморских княжих сыновей», но которая «быть Царевой» женой и женой кого-то из заморских княжих сыновей не захотела, потому что ей нравятся «самозванцы, воры да расстриги». И она «расточила свои богатства», отдала «власть — холопам, силу — супостатам, смердам — честь свою» и «пошла поруганной и нищей и рабой последнего раба».

В лирике Волошина с образом-символом России связаны три семантических пласта: языческий, библейский и исторический. Россия — это мать-земля, это блудница, наказанная за своё нечестие («Святая Русь», «Видение Иезекииля»), юродивая («На вокзале», «Русь гуляющая», «Святая Русь»), Неопалимая купина и Славия — страна, берущая на себя миссию спасения мира. Всё это грани, из которых складывается образ-символ России, переносящей знамения последних времён. И над этими сценами древних лет и современности возвышается лик Богоматери, свет животворной любви и очищения: «Тайна тайн непостижимая, / Глубь глубин необозримая, / Высота невозможная, / Радость радости земной, / Торжество непобедимое. / Ангельски дароносимая / Над родимую землей, / Купина Неопалимая» [4, с. 194] («Хвала Богоматери», 1919). Очевидна связь этого произведения с текстом как Акафиста Богородицы, так и Херувимской, исполняемой на Литургии («дориносима чинми»).

Интерпретирующая деятельность, безусловно, является доминантой литературоведения. Но истинное художественное творение

заклучает в себе смысловые глубины, способные приоткрыться нам лишь при готовности нашей честно, по завету А.П. Скафтымова, следовать творческим путем автора-создателя текста [14, с. 176].

Широко известен принцип «презумпция невиновности» (лат. «*praesumptio*» – предположение): предполагается, что человек невиновен, пока не будет доказано обратное. Но есть еще презумпция правильности и разумности существующего порядка вещей, изменение которого требует наличия достаточных к тому оснований, называется еще презумпцией ценности сохранения *status quo*.

Не претендуя на абсолютность решения, опираясь на исследования В. Захарова, В. Воропаева, С. Гончарова, В. Непомнящего, И. Есаулова и других, занимающихся этой проблемой, Н. Крюкова выделяет критерии, позволяющие назвать некоторые романы русской литературы христианскими [11]. Одним таким критерием является наличие «евангельского текста» в художественном мире произведений. Но евангельский текст подчас носит притчевый характер и не всегда распознается. Глубинный смысл, лежащий на поверхности текста или его компонентов, более объективно привязан к значению составляющих его высказываний. Поэтому мы предложим в качестве критериев христианского реализма в целом следующие:

1. Особенности русской литературы и русской культуры вытекают не просто из национальных особенностей, но из своеобразия православного образа мира, православного менталитета. Поэтому первый критерий – наличие христианской ментальности и христианской системы ценностей.

2. Второй критерий – не наличие «евангельского текста» в художественном мире произведений, а использование христианской (библейской) символики, которая входит в понятие «евангельский текст», а значит, и определенных библейских архетипов. Архетип, будучи общечеловечным, сохраняя свое значение и функции, видоизменяется, проявляя себя в новых формах на новых исторических этапах. Для христианского сознания изначален и определяющ архетип блудного сына.

3. И наконец, третий критерий – это «православный код» поэтики, т. е. определенные особенности стиля. Мы считаем, что этот код – литургический. Именно он позволяет проникнуть на смысловой уровень культуры, без знания кода культурный текст окажется закрытым, непонятым, невоспринятым: чело-

век будет видеть систему знаков, а не систему значений и смыслов.

Актуальность прочтения художественного текста в контексте православной культуры подтверждается государственной поддержкой проекта «Литургическое слово в русской литературе», реализуемого научно-исследовательской лабораторией по изучению литургийности русской литературы при Шуйском государственном педагогическом университете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бартов А. От противостояния стилей к эстетическому эклектизму — языковая парадигма современности // Топос – электронный ресурс <http://www.topos.ru/article/1615>
2. Волошин М.А.. Из литературного наследия. II. – СПб., 1999.
3. Волошин М. А. Коктебельские берега. – Симферополь, 1990.
4. Волошин М. А. Россия распятая. – М., 1992. – С. 194.
5. Волошин М.А. Стихотворения. – СПб.: ИГ «Азбука-классика», 2009.
6. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII - XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. трудов / Ответ. ред. В.Н. Захаров. – Петрозаводск, 1994. – С. 379.
7. Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Евангельский текст в русской литературе 18-20 веков: Цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр. Сб. ст. Вып. 3. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. – С. 5-20.
8. Кабанова О. Перформанс как цветок / Ведомости 31. 08. 2009. – № 162.
9. Кедров К. Ангелическая поэтика. — М.: Изд-во ун-та Н. Нестеровой, 2001. — 320 с.
10. Кедров К. Макс и Маркс // электронный ресурс <http://www.proza.ru/2007/12/23/157>
11. Крюкова Н.Л. «Христианский» и «антихристианский» роман (к проблеме жанра) – электронный ресурс <http://www.mineralov.ru/krukova1.htm>
12. Кукулин И. «Сумрачный лес» как предмет ажиотажного спроса, или Почему приставка «пост-» потеряла свое значение // Штудии. Илья Кукулин о московской поэзии 1950-90-х. — электронный ресурс http://community.livejournal.com/rostov_80_90/41525.html
13. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в шести томах. – М., 1936. – Т. I. – С. 583- 584.
14. Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического изучения в истории литературы // Введение в литературоведение. Хрестоматия. – М., 1988. – С. 176.
15. Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный / под общ.ред. Е.А. Кузьминовой, И.В. Ружицкого. – М., Русский язык. Курсы, 2009. – Ч. 1. – С. 4.
16. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 285.